

К вопросу о стратегии формирования трансрегионального интеграционного контура ЕАЭС

Горбунова М. Л.* , Комаров И. Д., Белашченко Д. А.

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, Нижний Новгород, Российская Федерация

* e-mail: gorbunova@iee.unn.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2733-568X>

РЕФЕРАТ

В условиях нестабильности и неопределенности современной системы международных отношений актуализируется роль новых и неангажированных платформ взаимодействия и сотрудничества, одной из которых является ЕАЭС. Система партнерских связей и сотрудничества государств — участников ЕАЭС со странами второго — трансрегионального — контура интеграции определяется как составляющая потенциальной конфигурации системы международных отношений.

Цель. Оценить общие перспективы формирования зоны (кластера) в рамках трансрегиональной экспансии ЕАЭС на уровне второго контура — за пределами СНГ.

Задачи. Дать оценку динамике консолидированности существующих соглашений о свободной торговле ЕАЭС с Сербией, Ираном, Вьетнамом и Сингапуром, а также оценить консолидированность соглашений, которые должны быть заключены в соответствии со стратегическими направлениями евразийской интеграции, кроме того, заключения ЕАЭС соглашений о либерализации торговли с иными крупными развивающимися государствами.

Методология. Авторы используют в качестве метрики добавочную консолидированность, рассчитываемую как разницу между долей внутристрановой торговли в рамках сформированной или потенциальной зоны свободной торговли ЕАЭС и каждого государства-партнера и долей внутренней торговли самого интеграционного объединения.

Результаты. На основе оценки добавочной консолидированности установлено, что среди уже заключенных соглашений зоны свободной торговли ЕАЭС с Ираном и Вьетнамом являются результативными, а торговая интеграция с Сербией, Сингапуром и КНР — неэффективна. Выявлено наличие добавочной консолидированности при реализации соглашений о либерализации торговли с Турцией, Египтом, Бангладеш.

Выводы. Реализация второго контура интеграции является важным направлением развития интеграции Евразийского экономического союза. Однако торговые партнерства имеют разную торговую эффективность.

Ключевые слова: система международных отношений, интеграция, взаимная торговля, консолидированность, ЕАЭС, трансрегиональная интеграция, региональные торговые соглашения, стратегия ЕАЭС

Для цитирования: Горбунова М. Л., Комаров И. Д., Белашченко Д. А. К вопросу о стратегии формирования трансрегионального интеграционного контура ЕАЭС. *Евразийская интеграция: экономика, право, политика.* 2022;16(4): 26-42. <https://doi.org/10.22394/2073-2929-2022-04-26-42>

On the Issue of the Strategy for the Formation of the Trans-regional Integration Contour of the EAEU

Maria L. Gorbunova*, Igor D. Komarov, Dmitry A. Belashchenko

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russian Federation

* e-mail: gorbunova@iee.unn.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2733-568X>

ABSTRACT

The instability and uncertainty of international relations accentuate the role of new and inclusive platforms of interaction and cooperation. Eurasian Economic Union (EEU) alongside its regional and transregional partners represent an example of such a platform based on new principles and values, an element of international relation configuration.

Aim. Assess the prospects for a zone (cluster) within the planned and potential transregional EEU's expansion beyond the CIS borders.

Task. To evaluate the dynamics of the consolidation concerning, first, current free trade EEU agreements (FTAs or the EEU FTAs) with Serbia, Iran, Vietnam and Singapore, second, potential agreements with listed in the EEU official strategy, third, other developing states with relevant economic and/or demographic potential.

Methods. The authors use additional consolidation (share of intra-bloc trade) as a metric. It is calculated as the difference between the share of EEU intra-trade and within the existing or potential EEU FTA partnerships.

Results. Based on the assessment of additional consolidation, the research revealed that the existing EEU FTAs with Iran and Vietnam are effective, while trade integration with Serbia, Singapore and China are ineffective. The presence of additional consolidation was revealed for Turkey, Egypt, and Bangladesh.

Conclusions. The implementation of the transregional integration track is an important development step for the Eurasian Economic Union. However, trade partnerships have different trade efficiency.

Keywords: international relations, integration, mutual trade, consolidation, Eurasian Economic Union (EEU), transregional integration, regional trade agreements, EEU strategy

For citing: Gorbunova M. L., Komarov I. D., Belashchenko D. A. On the Issue of the Strategy for the Formation of the Trans-regional Integration Contour of the EAEU. *Eurasian Integration: Economic, Law, Politics*. 2022;16(4): 26-42. (In Rus.) <https://doi.org/10.22394/2073-2929-2022-04-26-42>

Введение

ЕАЭС, договор о создании которого был подписан в 2014 г., формирует институциональное ядро более широкого и долгосрочного евразийского интеграционного проекта, развивающегося на пространстве бывшего СССР с самого момента его распада. По мнению западных наблюдателей, данная инициатива является проектом В. В. Путина [15] и отражает стремление Российской Федерации к региональной гегемонии [18]. Развивая интеграцию на постсоветском пространстве, Российская Федерация формирует для государств — членов ЕАЭС и СНГ благоприятную торгово-инвестиционную среду, при этом рынки ЕАЭС и СНГ не имеют для России ключевого значения — ключевыми экономическими партнерами страны является ЕС и КНР [4].

В последнее время интеграционные инициативы ЕАЭС выходят за пределы постсоветского пространства — союз заключил соглашения о свободе торговли с Вьетнамом, Ираном, Сингапуром, исторически первое соглашение с Сербией было перенесено с уровня государств-членов на уровень объединения. В периметр политического и экономического сотрудничества объединения вовлекаются государства, являющиеся активно развивающимися полюсами роста или как минимум участниками интеграционных проектов, которые аналогичным образом воспринимают РФ и ее партнеров. Интеграционная привлекательность российского рынка, тесно связанная с его масштабами, служит драйвером для развития партнерства с аналогичными по характеристикам экономиками.

Именно поэтому Москва ориентирована на формирование дополнительного (второго) контура интеграции [3]. Авторы полагают, что в отличие от вопросов интеграции в рамках ЕАЭС и СНГ развитие взаимодействия ЕАЭС с третьими странами изучено недостаточно. А с учетом того, что тематика формирования, развития и экспансии ЕАЭС избыточно политизирована, авторы намерены оценить не только политический, но и экономический потенциал трансрегиональных проектов ЕАЭС.

Для оценки перспективности интеграции ЕАЭС во втором контуре авторы на основе анализа торговой статистики планируют оценить состоятельность развития партнерства с государствами, не входящими в состав СНГ, как в целом, так и по отдельным ключевым направлениям, связанным с безопасностью (поставки вооружений, продовольствия и энергоносителей) и способным стать драйверами интеграции, таким образом происходит формирование зон (кластеров) стабильности и благосостояния. Поставки вооружений осуществляются, главным образом, по государственной линии и являются прокси-переменной для оценки военно-политического сотрудничества, направленного на формирование условий безопасности и стабильности в периметре существующих или потенциальных соглашений с третьими государствами. Внешние поставки продовольствия содействуют социальной стабильности, а поставки энергоносителей влияют на экономический рост — таким образом процессы торговой либерализации могут оказывать положительное влияние на продовольственную, энергетическую и традиционную — военно-политическую — безопасность.

Несмотря на то, что внешняя торговля не единственная форма международных экономических отношений между странами, именно она зачастую определяет динамику инвестиционных, миграционных и валютных потоков. В сравнении с инвестиционными и миграционными потоками торговля более стабильна, а кроме того, превосходит инвестиционные потоки по величине. Интеграционные процессы начинаются с гармонизации торговли товарами и услугами, а экономические интересы, затрагиваемые торговой либерализацией, настолько существенны, что подавляющему большинству объединений пока не хватает политической координации для завершения строительства зон свободной торговли.

Анализ рассматриваемых в исследовании данных внешнеторговой статистики позволяет сделать вывод о целесообразности подключения государств, находящихся за пределами СНГ, к ЕАЭС как интеграционному проекту в целом и о его возможных ведущих (ключевых) векторах: продовольственном, энергетическом или военно-политическом.

Цели, задачи и текущие результаты евразийской интеграции

Евразийская интеграция имеет приоритетное значение в рамках внешнеполитической и внешнеэкономической экспансии Российской Федерации. В. В. Путин в ежегодном послании Федеральному Собранию РФ 2021 г. отметил: «Наши общие проекты в рамках Евразийского экономического союза нацелены на то, чтобы обеспечить рост экономики и благосостояния граждан <...> Российские идеи этого широкого открытого объединения уже осуществляются на практике, в том числе за счет сопряжения с другими интеграционными процессами. Все это не умозрительные геополитические построения, а сугубо прикладные инструменты решения задач национального развития»¹.

Евразийский экономический союз является одной из самых высокоразвитых интеграционных группировок с институциональной точки зрения (де-факто формирование Таможенного союза завершено полностью — достигнута свобода передвижения товаров и услуг, можно переходить к решению задач формирования общего рынка капиталов и рабочей силы, достижения валютно-финансовой интеграции) [2].

А.-С. Гаст [14] отмечает, что среди всех многочисленных региональных организаций, возникших на территории бывшего СССР, только государства — члены ЕАЭС отказались от суверенитета во внешней торговле, стремясь к обеспечению политической и экономической стабильности. Далее Гаст [Там же] делает вывод о том, что Россия заинтересована в стабильности и готова к компромиссам и поддержке других государств-членов, поскольку это позволяет ей сохранить континентальный баланс в присутствии ЕС и КНР.

В большинстве исследований ЕАЭС мотивы его создания и устойчивость анализируются с политической и /или экономической точек зрения [1; 24]. Внешнеполитическая составляющая определяется необходимостью обеспечения роста влияния ЕАЭС и макрорегиона его принадлежности на мировой арене, а также стремлением Российской Федерации укрепить свое присутствие в Центральной Азии [17; 21],

¹ Послание Президента Федеральному Собранию [Электронный ресурс] // Kremlin.ru, 21.04.2021. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/65418> (дата обращения: 21.04.2021).

в том числе из-за необходимости противодействия конкуренции со стороны других государств и их проектов взаимодействия [23].

Экономическая составляющая функционирования и развития ЕАЭС определяется собственно интеграционными целями союза и предусматривает формирование общего пространства для частного бизнеса, а также реализацию общих инфраструктурных и иных межправительственных проектов в условиях разноуровневого потенциала стран-участниц, приводящего к возникновению противоречий в сфере регулирования хозяйственных, в первую очередь торговых, процессов [11].

К. Киркхам [18], рассуждая в неограмшианском ключе, объединяет в своем анализе политический и экономический векторы и рассматривает ЕАЭС как проект, в рамках которого Российская Федерация реализует свою региональную гегемонию и обеспечивает институциональное развитие, материальные условия и безопасность союза и стремится к культурному доминированию. Автор ограничивает рамки эффективности ЕАЭС пределами постсоветского пространства. Вместе с тем, по его мнению, Москва успешно завершит процесс формирования единого экономического пространства в рамках ближнего зарубежья. Р. Драгнева и К. А. Хартвелл в сходном междисциплинарном — политико-экономическом — исследовании делают вывод о том, что ЕАЭС скорее геополитический, чем экономический процесс, который пока не обладает достаточной институциональной устойчивостью, чтобы соответствовать своим заявленным целям [12; 13]. Действительно, экономическая консолидированность ЕАЭС пока не достигает достаточного уровня — как показало исследование М. Л. Горбуновой и И. Д. Комарова [16], методологически опирающееся на показатель консолидированности (связности), использованный в работе Л. З. Зевина 2016 г. [5].

Рассуждая о перспективах ЕАЭС, М. Голам и М. Моновар [15] предлагают три сценария дальнейшего развития ЕАЭС:

- инерционное, поступательное развитие без резких действий и скачков;
- территориальное расширение объединения за счет государств СНГ и более тесная интеграция участников;
- поглощение китайским интеграционным проектом.

Однако в настоящее время ЕАЭС в русле общемировых тенденций ведет активную интеграцию на уровне объединения, формируя зоны свободной торговли трансрегионального типа [16; 20]. Р. Драгнева и К. А. Хартвелл отмечают, что создание ЕАЭС как международной организации имело прорывной характер, так как обеспечило союзу возможность заключать соглашения от своего имени [13].

Министр по интеграции макроэкономики Евразийской экономической комиссии — ведущего органа исполнительной власти ЕАЭС — С. Ю. Глазьев [3, с. 285] прямо говорит о том, что расширение процесса евразийской интеграция осуществляется по двум контурам: «Первый — внутренний, ассоциирующийся с присоединением новых государств к его “ядру” — ЕАЭС. Второй — внешний, завязанный на выстраивание сети зон свободной торговли и соглашений о преференциальных режимах торгово-экономического сотрудничества с другими государствами». Во второй периметр политического и экономического сотрудничества ЕАЭС в настоящее время вошли Сербия (соглашение на уровне государств-членов — 1999 г., соглашение ЕАЭС — 2019 г.), Вьетнам (соглашение 2015 г.), Иран (соглашение 2018 г.), Сингапур (2019 г.) и Китай (2018 г.) — с первыми четырьмя государствами заключены соглашения о свободе торговли, с Китаем — соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве, не предусматривающее торговых преференций¹.

Логика трансрегионального сотрудничества ЕАЭС определяется тем, что, во-первых, Российская Федерация активна в формате БРИКС, во-вторых, существенную роль в ее политике играют диалоги с АСЕАН и государствами Африки, в-третьих, на уровне ЕАЭС завершен этап формирования Таможенного союза государств-членов — таким образом достигнута полная унификация внешнеторговых отношений в отношении остального мира, ЕАЭС в сотрудничестве с третьими странами может переходить к формату интег-

¹ Стратегические направления развития евразийской экономической интеграции до 2025 года [Электронный ресурс] // Правовой портал Евразийского экономического союза. 11.12.2020. URL: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01228321/err_12012021_12 (дата обращения: 02.06.2021).

рации интеграций. Данная идея нашла отражение в работах Я. Д. Лисоволика и Е. Ю. Винокурова [6; 22], которые предлагают и методологически обосновывают развитие формата «интеграция интеграций» на платформе БРИКС, так как каждое из государств-участников является не только ведущей экономикой — драйвером роста — своего континента или субрегиона, что подкреплено институционально ведущей ролью в одном или нескольких интеграционных проектах. В рамках развития данной гипотезы возможно формирование разнообразных и гибких режимов сотрудничества, выходящих за рамки либерализации торговли: непосредственное взаимодействие государств, представляющих разные континенты (Евразию, Африку и Южную Америку), ведет к формированию платформы для укрепления региональных и двусторонних альянсов и объединения региональных интеграционных блоков с участием «стран БРИКС+» [6]. Иными словами, ЕАЭС заинтересован во взаимодействии с государствами, представляющими своего рода «точки входа» в другие интеграционные объединения.

Трансрегиональные соглашения ЕАЭС получили первые оценки в научных исследованиях. Н. Федоров полагает, что соглашения ЕАЭС с Вьетнамом и Китаем являются своего рода экономическим отражением геополитических процессов, связанных с развитием разного рода стратегических партнерств в Азиатско-Тихоокеанском регионе в русле формирования многополярного мира [8]. В. М. Мазырин, руководитель Центра изучения Вьетнама и АСЕАН ИДВ РАН, анализируя первые итоги выполнения Соглашения о свободной торговле между Вьетнамом и ЕАЭС, выявил, что оно позитивно повлияло на динамику взаимной торговли, доведя товарооборот до 5,9 млрд долл. в 2017 г. и сделав перспективу достижения объема в 20 млрд долл. к 2020 г. вероятной при сохранении полученных темпов роста (37% в год). Больше всего вырос экспорт именно тех товаров, по которым обнулены ввозные таможенные пошлины. Россия достигла рекордного показателя в 5,2 млрд долл. США, оставаясь основным рынком Вьетнама в ЕАЭС (88% товарооборота). Особенностью последних двух лет стало преодоление провала 2014–2015 гг. импорта из Вьетнама, а также существенный рост экспорта из России продовольственных товаров в 2017–2018 гг. [7].

Несмотря на то, что представляется, что внешними мотивами соглашения о свободной торговле между ЕАЭС и Исламской Республикой Иран (имеющего де-факто форму преференциального торгового соглашения) являются политические [12], детальные результаты, представленные в работе А. Адарова и М. Гходси [10], свидетельствуют о том, что реализация соглашения способна увеличить взаимную торговлю для обеих сторон, при этом ожидается относительно большая выгода от экспорта ЕАЭС в Иран, который вырастет на 19,1%, в то время как экспорт из Ирана в ЕАЭС — на 7%. При этом основной прирост взаимной торговли будет получен в сфере сельского хозяйства — в торговле разными фруктами и овощами, а также в химической, текстильной, полимерной и в отдельных электрических и машиностроительных отраслях.

Как показывают результаты исследования М. Л. Горбуновой и И. Д. Комарова [19], взаимодействие ЕАЭС с Китаем и Индией не обладает достаточно синергией общего развития, что согласуется с гипотезой С. Крапола [20] о том, что развивающиеся страны в большей степени связаны с торговыми партнерами за пределами, а не внутри своих макрорегионов, что является одновременно и типичной чертой, и барьером для интеграционных процессов государств Глобального Юга (развивающегося мира).

Данные упоминавшегося выше исследования Р. Драгневой и К. А. Хартвелла [13] показывают, что с экономической точки зрения ни одно из государств, с которыми заключены соглашения о зонах свободной торговли, не является крупным торговым партнером для ЕАЭС или его государств-членов, при этом авторы отмечают подавляющий перевес России в торговле ЕАЭС с этими третьими странами. Авторам представляется, что именно поэтому другие государства-члены соглашаются с лидерством России в рамках общей интеграционной стратегии еще и потому, что их экономические интересы затронуты несущественно.

В соответствии со «Стратегическими направлениями развития евразийской экономической интеграции до 2025 года» ЕАЭС предполагает заключить соглашения о свободной торговле с Арабской Республикой Египет, Индией и Государством Израиль¹.

¹ Торговые соглашения Евразийского экономического союза [Электронный ресурс] // Евразийская экономическая комиссия. URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/act/trade/dotp/Pages/Торговые-соглашения-ЕАЭС.aspx> (дата обращения: 02.06.2021).

Дискуссионным является вопрос о соглашении с Республикой Корея, слухи о заключении которого начались в 2017 г. В настоящий момент процесс тормозится в том числе из-за нежелания российских производителей улучшать условия допуска корейских товаров на рынок ЕАЭС [9].

В исследовании А. Ю. Кнобеля и других [19] оценивается потенциал влияния внешней интеграции ЕАЭС, авторы делают выводы о том, что для Российской Федерации, Армении и Беларуси перспективным является соглашение о свободной (преференциальной) торговле с Европейским союзом, для Казахстана — с КНР.

Обзор литературы по тематике исследования позволяет сделать следующие выводы.

Во-первых, представляется целесообразным, что ЕАЭС стремится вовлечь в свою орбиту средние по размерам государства, являющиеся активно развивающимися полюсами роста и центрами или как минимум участниками интеграционных проектов, которые аналогичным образом воспринимают РФ и ее партнеров.

Во-вторых, несмотря на кризисные явления, сопровождающие с начала украинского кризиса отношения РФ и «коллективного Запада», доминирующего в системе международных отношений, государства, с которыми ЕАЭС развивает активные отношения, являются в большинстве своем политически стабильными партнерами Москвы и не встают в оппозицию ее внешнеполитическим инициативам.

В-третьих, структура ЕАЭС, расширяя торгово-экономические связи с государствами, являющимися ведущими акторами удаленных макрорегионов, создает новые институциональные условия для остальных субъектов международных отношений рассматриваемого кластера. Формируемые таким образом институциональные условия могут рассматриваться как отправная точка решения существующих противоречий, являющихся наследием распада колониальной системы и мешающих справедливому и устойчивому развитию отдельных зон (кластеров) системы международных отношений.

В-четвертых, переводя на новый уровень отношения с Египтом, Израилем, Индией и другими региональными лидерами, ЕАЭС способствует замещению парадигмы однополярного мирового порядка в традиционных и перспективных зонах влияния США и, таким образом, продвигает концепцию многополярности.

В-пятых, представляется, что ЕАЭС, выстраивая многоуровневую систему межгосударственного взаимодействия, создает предпосылки роста благосостояния не только собственных государств-членов, но и других государств, вовлекаемых во взаимодействия, используя потенциал каждого из них для формирования условий устойчивого функционирования и развития архитектуры системы международных отношений.

Оценка ресурсных и поведенческих аспектов включенности центров силы в продовольственную, энергетическую и военно-политическую безопасности наиболее неустойчивых государств

Методология исследования. Работа основана на применении инструментария международной политической экономики к анализу международных отношений.

Четыре государства — Сербия, Вьетнам, Иран, Сингапур — с соглашениями о свободе торговли.

Китай — соглашение о сотрудничестве непреференциального типа.

Три государства, с которыми ведутся переговоры, — Египет, Израиль и Индия.

Выражали намерение сотрудничать с ЕАЭС — Индонезия, Пакистан, Чили, Южная Корея. Австралия, Аргентина, Бразилия, Нигерия, Саудовская Аравия, Турция, ЮАР — являются региональными центрами.

Авторы предлагают обратить дополнительное внимание на Бангладеш и Филиппины, как государства со значительной численностью населения, что определяет их рыночный потенциал.

Данные исследования. Авторы используют данные межгосударственной торговли продовольствием (Food — база данных интегрированной торговой статистики Всемирного банка WITS), продукцией топливно-энергетического комплекса (Fuel — база данных интегрированной торговой статистики

Всемирного банка WITS) и вооружениями (93-я группа Товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности (далее — ТН ВЭД) — база данных торговой статистики ООН UN Comtrade Database), для изучения добавочной консолидированности. При этом поставки продовольствия обеспечивают социальную стабильность, поставки энергоносителей дают возможности устойчивого роста, официальные поставки вооружений связаны, прежде всего, с сотрудничеством в военно-политической сфере.

Добавочная консолидированность между государствами ЕАЭС и выбранными партнерами будет рассчитываться как в целом, так и по отдельным товарным группам:

- продовольствие (Food — база данных интегрированной торговой статистики Всемирного банка WITS);
- топливо (Fuel — база данных интегрированной торговой статистики Всемирного банка WITS);
- оружие и боеприпасы; их части и принадлежности (93-я группа Товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности (далее — ТН ВЭД) — база данных торговой статистики ООН UN Comtrade Database).

Для оценки проектов трансрегиональной интеграции ЕАЭС авторы дополняют подход, использованный в работе Л. З. Зевина [5], опирающийся на измерение уровня добавочной консолидированности или связности (connectivity), измеряемой как разница отношений (долей) межстранового экспорта ЕАЭС с участием и без участия рассматриваемого государства торгового партнера к общему объему экспорта.

Сначала рассмотрим добавочную консолидированность существующих соглашений ЕАЭС с третьими государствами (за пределами СНГ). Наиболее ранним соглашением о свободной торговле ЕАЭС является соглашение с Сербией, изначально заключенное еще на уровне отдельных государств — РФ, Беларусь, Казахстан, обновленное на уровне ЕАЭС в 2019 г.

На рисунке 1 добавочная общая и энергетическая консолидированность колеблется вокруг нулевых значений, продовольственная — отрицательная, военно-политическая консолидированность периодически заходит в положительную зону, что связано не только с тем, что страны мало сотрудничают в военно-политической сфере, а с более волатильным характером поставок вооружения по сравнению с поставками энергоносителей и продовольствия, опирающимися на стабильные и устойчивые потребности. Вместе с тем региональные и средние державы, балансируя между разными центрами силы, взаимодействуют с ними в рамках военно-политической консолидированности, закупая вооружения. Обращает на себя внимание то, что продовольственная консолидированность не является драйвером в отношении ЕАЭС — Сербия и ее характер не поменялся после 2014 г., когда после введения контрсанкций в форме запрета импорта сельскохозяйственной продукции из ЕС, США и других западных стран доля сербского импорта на рынке РФ возросла.

На рисунке 2 отражены данные о добавочной консолидированности торговых отношений, возникающей при взаимодействии ЕАЭС с Вьетнамом. Соглашение с Вьетнамом подписано в 2018 г. — для ЕАЭС это первое трансрегиональное соглашение о зоне свободной торговли.

Показательно резкое улучшение — вплоть до выхода в положительную зону — показателей после 2018 г., в том числе за счет продовольствия. Добавочная энергетическая консолидированность колеблется около нуля, военно-политическая, как и в предыдущем случае, имеет размах вариаций значений добавочной консолидированности.

На рисунке 3 отражены данные о добавочной консолидированности торговых отношений, возникающей при взаимодействии ЕАЭС с Ираном, соглашение (ЗСТ) с Исламской Республикой подписано в 2019 г. По мнению наблюдателей, данное соглашение является наиболее политизированным, поскольку государство находится под санкциями, однако показатели добавочной консолидированности — одни из самых устойчивых и положительные как по общей, так и по продовольственной консолидации, так как именно в те годы, когда Иран не подавал данные, наблюдаются провалы добавочной консолидированности. Присутствует добавочная, волатильная консолидированность по поставкам вооружений, что характерно и для вышеперечисленных соглашений. Необходимо отметить, что на графике прослеживается сходство динамики консолидированности поставок продовольствия и вооружений. Поскольку Иран (ИРИ) находится под санкциями коллективного Запада в течение длительного времени, выход на

рынки ЕАЭС является инструментом сохранения и реализации потенциала ИРИ в системе мирового хозяйства. Таким образом, описанная ситуация характеризует высокое качество институционального развития ЕАЭС.

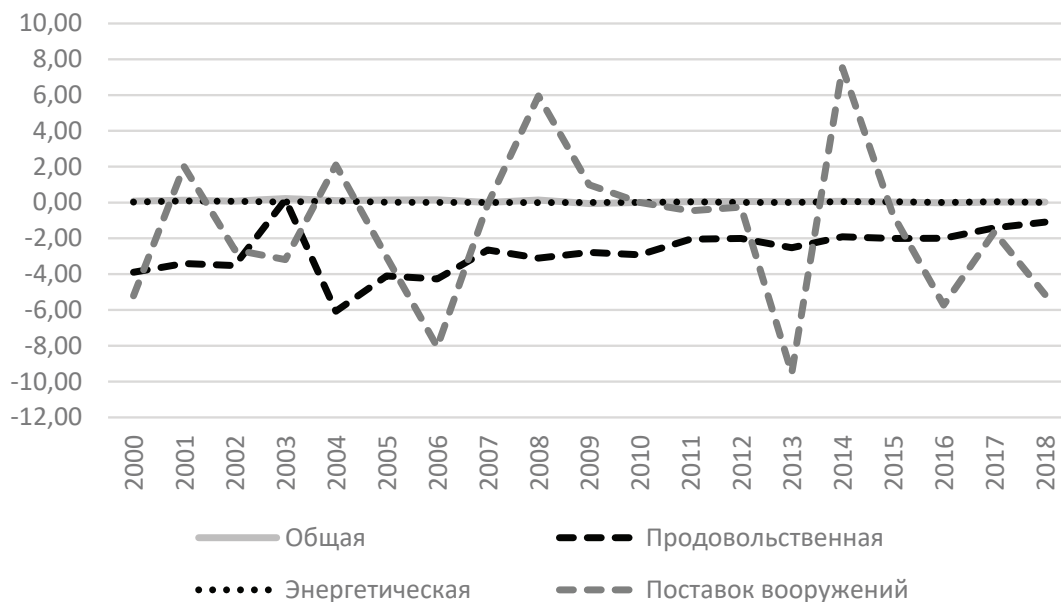

Рис. 1. Добавочная консолидированность торговых отношений ЕАЭС и Сербии, %

Fig. 1. Additional consolidation of trade relations between the EAEU and Serbia, %

Источник: Расчеты авторов по WITS и UN Comtrade Database

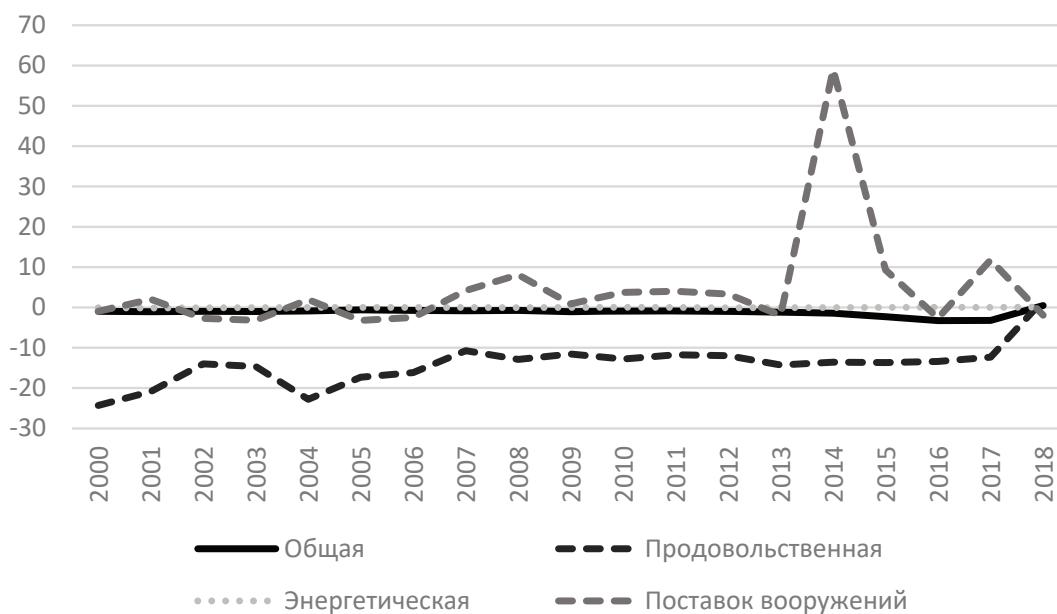

Рис. 2. Добавочная консолидированность торговых отношений ЕАЭС и Вьетнама, %

Fig. 2. Additional consolidation of trade relations between the EAEU and Vietnam, %

Источник: Расчеты авторов по WITS и UN Comtrade Database

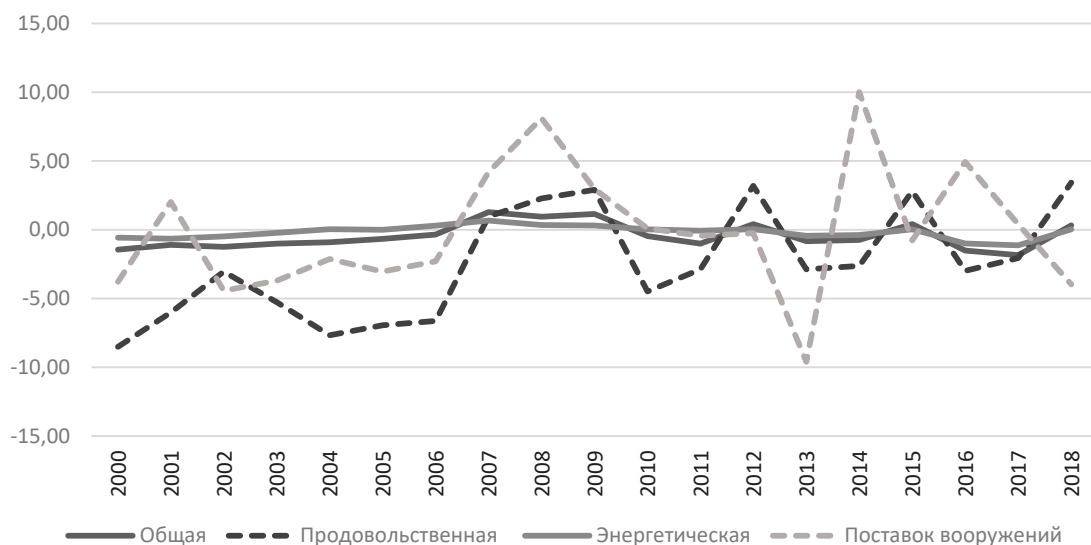

Рис. 3. Добавочная консолидированность торговых отношений ЕАЭС и Ирана, %

Fig. 3. Additional consolidation of trade relations between the EAEU and Iran, %

Источник: Расчеты авторов по WITS и UN Comtrade Database

На рисунке 4 отражены данные о добавочной консолидированности торговых отношений, возникающей при взаимодействии ЕАЭС с Сингапуром. ЕАЭС и Сингапур заключили два соглашения в 2019 г. — рамочное о всеобъемлющем экономическом сотрудничестве и о свободной торговле.

Общая и продовольственная добавочная консолидированность отсутствует, энергетическая консолидированность минимально положительная, колебания военно-политической консолидированности меньше по модулю.

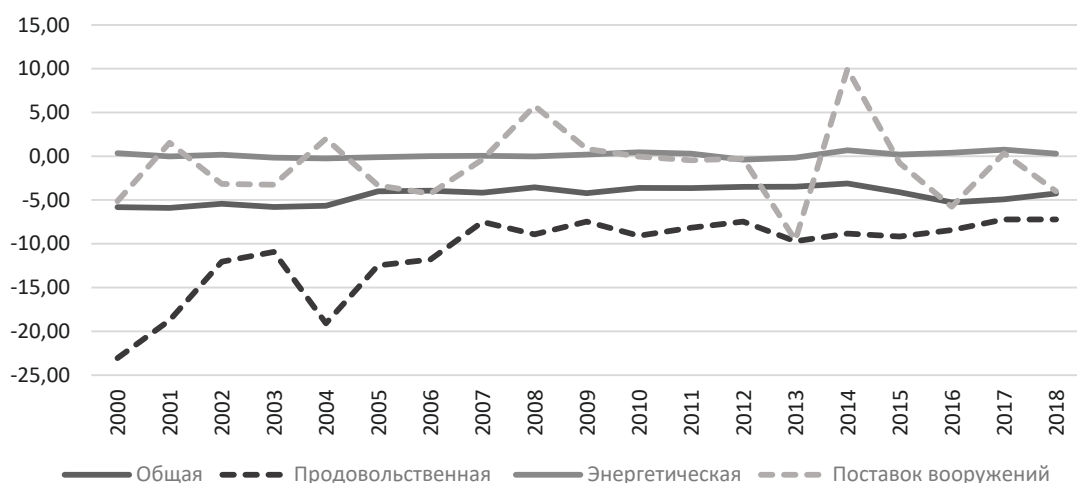

Рис. 4. Добавочная консолидированность торговых отношений ЕАЭС и Сингапура, %

Fig. 4. Additional consolidation of trade relations between the EAEU and Singapore, %

Источник: Расчеты авторов по WITS и UN Comtrade Database

На рисунке 5 отражена консолидированность ЕАЭС с КНР.

Китай в отношениях с ЕАЭС занимает отдельное место, определяемое тем фактом, что он — один из континентальных центров роста и ведущий торговый партнер для большинства государств ЕАЭС. Однако соглашение, заключенное в 2019 г., является торгово-экономическим, но не является соглашением о торговых преференциях. Эти обстоятельства оказывают влияние на показатели добавочной консолидированности: общая и продовольственная добавочная консолидированность находится в отрицательной зоне, военно-политическая колеблется с признаками затухания, в то время как энергетическая устойчиво растет.

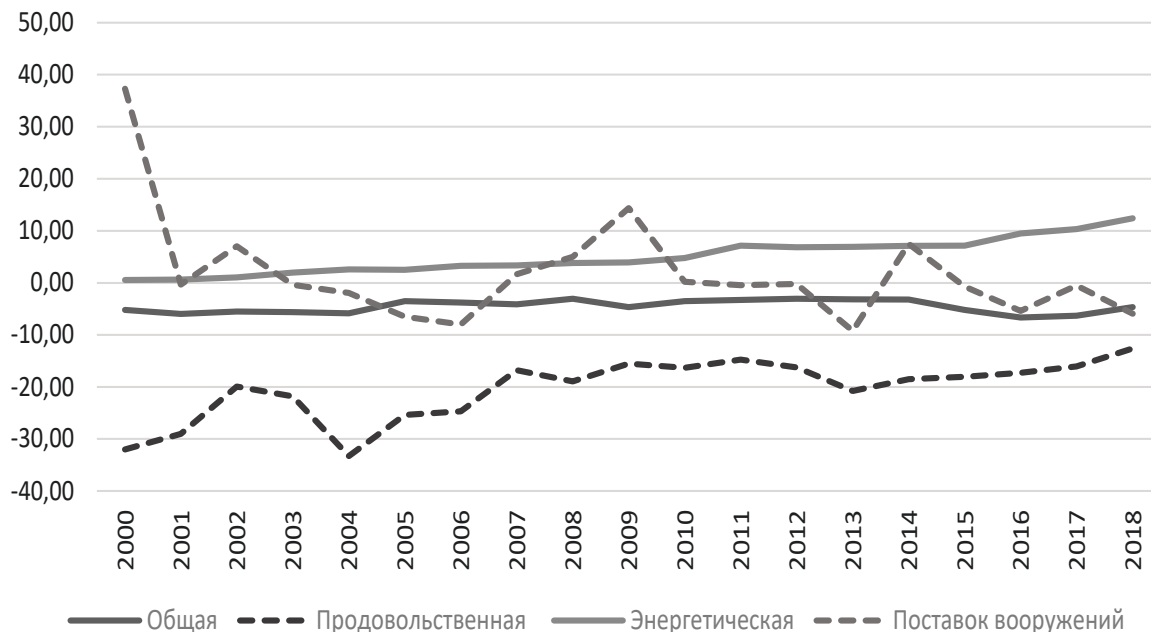

Рис. 5. Добавочная консолидированность торговых отношений ЕАЭС и КНР, %

Fig. 5. Additional consolidation of trade relations between the EAEU and China, %

Источник: Расчеты авторов по WITS и UN Comtrade Database

На рисунке 6 представлены данные о взаимодействии ЕАЭС и Египта. Военно-политическая консолидированность играет существенную роль, что отражает интересы РФ в регионе Ближнего Востока как гаранта и стейкхолдера безопасности. Общая консолидированность находится в положительной зоне, имеет тенденцию к возрастанию, продовольственная — существенная в большей степени в положительной зоне, но пилообразная, энергетическая находится на минимальных уровнях в положительной зоне. Представляется, что низкие показатели отражают недостаточную институциональную стабильность, связанную с инерцией нерешенных проблем безопасности после событий «Арабской весны». Кроме того, как и в случае с Ираном, на графике прослеживается сходство динамики консолидированности поставок продовольствия и вооружений.

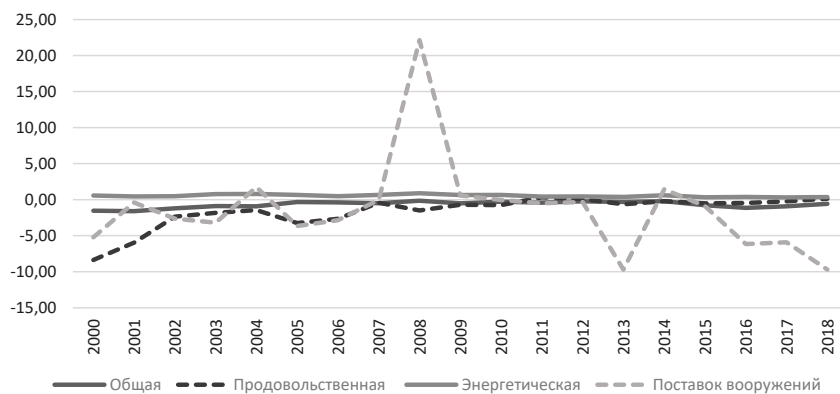
На рисунке 7 отражен потенциал взаимодействия ЕАЭС с Государством Израиль. Государство расположено на Ближнем Востоке, поэтому в его отношениях с ЕАЭС до 2014 г. присутствовала военно-политическая консолидированность. Отрицательная динамика после 2014 г. связана с выходом Израиля из военного сотрудничества с ЕАЭС (в первую очередь с РФ). К концу рассматриваемого периода (2018 г.) достигнуто положительное значение продовольственной консолидированности, в то время как общая и энергетическая — в отрицательной зоне.

Рис. 6. Добавочная консолидированность торговых отношений ЕАЭС и Египта, %

Fig. 6. Additional consolidation of trade relations between the EAEU and Egypt, %

Источник: Расчеты авторов по WITS и UN Comtrade Database

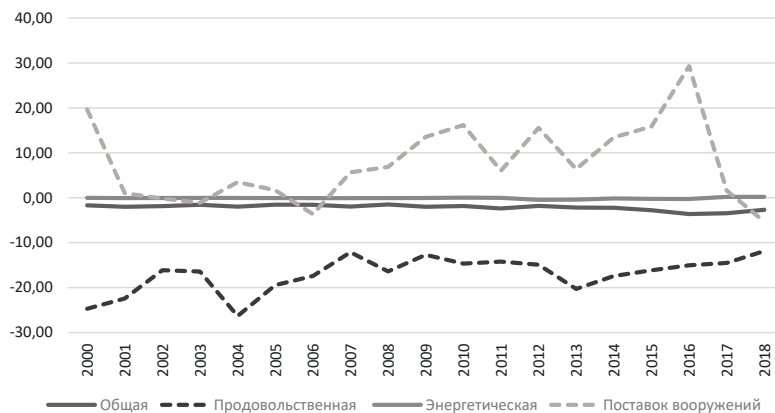

Рис. 7. Добавочная консолидированность торговых отношений ЕАЭС и Израиля, %

Fig. 7. Additional consolidation of trade relations between the EAEU and Israel, %

Источник: Расчеты авторов по WITS и UN Comtrade Database

На рисунке 8 представлен потенциал взаимодействия ЕАЭС с Индией, единственным драйвером которого является военно-политическое сотрудничество.

Рис. 8. Добавочная консолидированность торговых отношений ЕАЭС и Индии

Fig. 8. Additional consolidation of trade relations between the EAEU and India, %

Источник: Расчеты авторов по WITS и UN Comtrade Database

Оценка добавочной консолидированности в разрезе драйверов интеграции

Table. Incremental Consolidation in The Context Of Integration Drivers

Государство	Добавочная консолидированность			
	Общая	Военно-политическая (поставок вооружений)	Продовольственная	Энергетическая
<i>Азия</i>				
Республика Корея	Отрицательная	Волатильная, с положительными значениями, ни разу не выходила в плюс после 2014 г.	Отрицательная на грани перехода в положительную зону	Положительная с устойчивым ростом
Бангладеш	В большую часть периода наблюдений отрицательная, с 2016 г. положительная	Волатильная, с положительными значениями в 2001, 2004, 2008, 2014 гг., незначительно положительная — в 2017 г.	Положительная с 2016 г.	Околонулевые показатели
Индонезия	Стабильно отрицательная	Волатильная, с положительными значениями в 2001, 2004, 2008, 2014, 2017 гг.	Отрицательная	Отрицательная
Пакистан	Околонулевые показатели	Волатильная, с очень небольшими положительными значениями в 2001, 2004, 2017 гг., положительная — в 2008, 2014 гг.	Отрицательная	Околонулевые показатели
Саудовская Аравия	Отрицательная	Волатильная, с положительными значениями в 2001, 2004 2008, 2014 гг., незначительно положительная — в 2017 г.	Пилообразная в отрицательном диапазоне	Отрицательная со значительным снижением в 2012 г.
Таиланд	Отсутствует	Волатильная, с положительными значениями в 2001, 2008, 2014 гг. и стремлением к нулю в 2017 г. после падения в отрицательной зоне	Отрицательная	Околонулевые показатели
Турция	Положительная с пиком в 2008 г., снижением к нулю в 2016 г. и последующим ростом	Волатильная, с положительными значениями с 2007 по 2012 гг. и с 2014 по 2015 гг.	Отрицательная, с тенденцией роста к нулю в 2018 г.	Положительная с медленным ростом
Филиппины	Отсутствует	Волатильная, с положительными значениями в 2001, 2004 2008, 2014 гг. и стремлением к нулю в 2017 г. из отрицательного падения	Отрицательная	Околонулевые показатели
<i>Африка</i>				
ЮАР	Отсутствует	Волатильная, с положительными значениями в 2001, 2004, 2008, 2014 гг. и незначительно в 2017 г.	Отрицательная	Околонулевые показатели
Нигерия	Нестабильная в отрицательных значениях	Волатильная, с положительными значениями в 2001, 2004, 2008, 2014 гг. и незначительно в 2017 г.	Рост с 2015 г.	Околонулевые показатели
<i>Латинская Америка</i>				
Чили	Стабильная чуть ниже нуля	Спорадическая с плюсовыми пиками в 2001, 2004 2008, 2014 гг. и незначительно в 2017 г.	Отрицательная	Около нуля, иногда заходила в плюс
Аргентина	Отсутствует	Спорадическая с плюсовыми пиками в 2001 г., стремлением к нулю в 2004 г. из отрицательного падения, положительные пики 2008, 2014 гг. и стремлением к нулю в 2017 г. из отрицательного падения	Отрицательная	Околонулевые показатели
Бразилия	Отсутствует	Отрицательная, с незначительной положительной характеристикой с 2008 по 2010 гг. и положительным пиком в 2014 г.	Отрицательная	Околонулевые показатели
<i>Австралия и Океания</i>				
Австралия	Отрицательная	Спорадическая с плюсовыми пиками в 2008, 2009, 2014 гг.	Отрицательная	Околонулевые показатели, есть заход в положительную зону

Источник: Составлено на основе расчетов авторов по UN Comtrade Database

Заключение

Исследование развивает тематику интеграции ЕАЭС в рамках второго, внешнего по отношению к СНГ, контура. Исследование позволило провести категорирование потенциальных трансрегиональных партнеров ЕАЭС. Стратегия второго контура направлена на укрепление позиций средних держав в региональных зонах (кластерах) безопасности, так как добавочная военно-политическая консолидированность выявлена во всех рассмотренных случаях. Волатильность данной консолидированности обусловлена колебаниями в поставках вооружений.

Авторы обратили внимание на всплески военно-политической консолидированности ЕАЭС с рассматриваемыми государствами в следующие годы: 2001, 2004, 2007–2008, 2012, 2014, 2017 гг., что может быть обусловлено тем, что:

1) в указанные годы наблюдались внутривнутриполитические изменения (выборы, трансфер власти) в РФ; завершение внутренних и внешних военных и политических (знаковых) кампаний РФ (вторая чеченская кампания, пятидневная война, присоединение Крыма, сирийский кризис);

2) в некоторых случаях всплески военно-политической консолидированности могут быть обусловлены не столько стратегической линией преемственности внешней политики, сколько поддержанием формирующегося геополитического баланса;

3) означенные процессы могут рассматриваться международными партнерами как период потенциальной неоднозначности, нарушается преемственность двусторонних отношений многоуровневого сотрудничества по линии с ЕАЭС или изменение формата взаимодействия с ЕАЭС;

4) всплески военно-политической связанности обеспечивают (гарантируют) партнерам ЕАЭС преемственность достигнутых договоренностей по линии многостороннего формата сотрудничества и приверженность выработанной стратегии развития отношений с означенными акторами;

5) представляется, что колебания добавочной консолидированности, особенно военно-политической, напрямую связаны с проблемностью той или иной группы рассматриваемых факторов безопасности: чем ниже волатильность, тем меньше проблемность, и наоборот, чем больше размах вариаций, тем выше запрос на внешнее взаимодействие, в нашем случае с ЕАЭС;

6) поддержание транспарентного сотрудничества и геополитического баланса способствуют формированию зоны (кластера) стабильности и прозрачности по линии ЕАЭС и внешних акторов, что противопоставляется состоянию турбулентности и хаотизации действующей системы международных отношений.

ЕАЭС устанавливает сотрудничество с региональными лидерами по следующим причинам:

1) выстраиваемая многоуровневая система сотрудничества ЕАЭС с акторами международных отношений рассматривается как гибридная модель, являющаяся частью перспективной архитектуры международной системы с потенциалом решения застарелых проблем (узловых противоречий), в том числе с помощью подключения к будущему мировому хозяйствованию;

2) центры экономического роста являются неотъемлемой составляющей для выстраиваемой ЕАЭС системы сотрудничества и, как следствие, формирования зоны (кластера) стабильности и благосостояния. Наличие устойчивых институтов и платформ взаимодействия в современной системе международных отношений способствует ее устойчивости и последующим контролируемым изменениям (развитию);

3) региональные лидеры рассматриваются как «точки входа» на рынки удаленных зон (кластеров) с потенциалом дальнейшего расширения количества государств-партнеров и государств — участников ЕАЭС;

4) сотрудничество с ЕАЭС рассматривается государствами-партнерами как «точка входа» на один из самых емких рынков международных отношений — рынок государств — участников ЕАЭС. В свою очередь, государствами-партнерами и государствами — участниками ЕАЭС рассматривается как точка входа на емкий российский рынок.

ЕАЭС как организация с высоким институциональным потенциалом рассматривает государства-акторы современной системы международных отношений как потенциальных партнеров и участников. Эти

субъекты одновременно являются и объектами аналогичных действий и иных интеграционных объединений и трансрегиональных, трансконтинентальных проектов. При этом ЕАЭС позиционируется как организация готовая — институционально и организационно — к сотрудничеству с другими участниками системы международных отношений, а также их интеграционными и иными инициативами.

Россия, как лидер ЕАЭС, представляет собой особый центр силы, который, с одной стороны, обладает возможностью обеспечения традиционных типов безопасности: военно-политической, продовольственной и энергетической, с другой стороны, обладает высоким потенциалом развития ресурсов (мягкая сила) будущего в сферах, связанных с развитием человеческого капитала, — наука, образование и информационные технологии. В силу этого потенциал ЕАЭС может рассматриваться как инструмент воздействия на существующий и будущий баланс сил в зонах (кластерах), вовлеченных во второй контур интеграции, не только для поддержки потенциальных союзников, но и для взаимодействия с недружественными государствами и международными организациями для стабилизации мирового порядка.

Таким образом, в условиях нестабильных, напряженных и неопределенных отношений субъектов современной системы международных отношений роль новых и неангажированных платформ сотрудничества, взаимодействия и площадок обсуждения является актуальной. Некоторые действующие платформы и организации сотрудничества стали инструментом продвижения интересов конкретных акторов, не учитывая объективно интересы всех участников системы международных отношений.

Литература

1. *Белашенко Д. А., Толкачев В. В., Шоджонов И. Ф.* Евразийский экономический союз: перспективы и проблемы интеграции на постсоветском пространстве // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2020. Т. 20. № 3. С. 543–559. DOI: 10.22363/2313-0660-2020-20-3-543-559
2. *Бордачев Т. В., Вишневецкий К. О., Глазатова М. К.* и др. Евразийская экономическая интеграция: перспективы развития и стратегические задачи для России: докл. к XX Апр. междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества. Москва, 9–12 апр. 2019 г. / отв. ред. Т. А. Мешкова. М. : Изд. дом Высшей школы экономики. 2019. 123 с.
3. *Глазьев С. Ю.* Рынок в будущее. Россия в новых технологическом и мирохозяйственном укладах. М. : Книжный мир. 2019. 327 с.
4. *Горбунова М. Л., Ливанова Е. Ю., Комаров И. Д.* Перспективы формирования общего евразийского интеграционного пространства. Евразийский интеграционный проект: цивилизационная идентичность и глобальное позиционирование. Материалы Международного Байкальского форума / под научной редакцией Е. Р. Метелевой. Иркутск. 2018. С. 30–40.
5. *Зевин Л. З.* Мегарегионы в глобализирующемся хозяйстве // Мировая экономика и международные отношения. 2016. Т. 60. № 8. С. 26–33.
6. *Лисоволик Я. Д.* БРИКС-плюс: альтернативная глобализация? // Валдайские записки. Июль, 2017. № 69. С. 3–11.
7. *Мазырин В. М.* Потенциал и проблемы развития отношений между Вьетнамом и РФ (Обзор материалов круглого стола в ИДВ РАН 30 августа 2018 г.) // Вьетнамские исследования. Серия 2. 2018. № 3. С. 83–90. DOI: 10.24411/2618-9453-2018-00009
8. *Федоров Н. В.* Соглашение о зоне свободной торговли между ЕАЭС и Вьетнамом как фактор российско-вьетнамских отношений // Сравнительная политика. 2018. Т. 9. № 1. С. 74–90. DOI: <https://doi.org/10.24411/2221-3279-2018-00006>
9. *Юн С. М.* Проект создания зоны свободной торговли между Евразийским экономическим союзом и Республикой Корея // Вестник Томского государственного университета. История. 2018. № 56. С. 87–90. DOI: 10.17223/19988613/56/10
10. *Adarov A., Ghodsi M.* The Impact of the Eurasian Economic Union — Iran Preferential Trade Agreement on Mutual Trade at Aggregate and Sectoral Levels. Eurasian Economic Review. 2021. No. 11. P. 125-157. <https://doi.org/10.1007/s40822-020-00161-2>

11. *Bayramov V., Breban D., Mukhtarov E.* Economic Effects Estimation for the Eurasian Economic Union: Application of Regional Linear Regression // *Communist and Post-Communist Studies*. 2019. Vol. 52. No. 3. P. 209–225. <https://doi.org/10.1016/j.postcomstud.2019.07.001>
12. *Dragneva R.* The Eurasian Economic Union: Putin’s Geopolitical Project (FPRI Research paper). Foreign Policy Research Institute. 2018 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.fpri.org/wp-content/uploads/2018/10/rpe-6-dragneva-final2.pdf> (дата обращения: 31.05.2021).
13. *Dragneva R., Hartwell C. A.* The Eurasian Economic Union: Integration without Liberalisation? // *Post-Communist Economies*. 2020. Vol. 33. No. 1. P. 200–221. <https://doi.org/10.1080/14631377.2020.1793586>
14. *Gast A.-S.* The Eurasian Economic Union — Keeping up with the EU and China // *Post-Communist Economies*. 2020. Vol. 33. No. 2–3. P. 175–199. <https://doi.org/10.1080/14631377.2020.1827200>
15. *Golam M., Monowar M.* Eurasian Economic Union: Evolution, Challenges and Possible Future Directions. *Journal of Eurasian Studies*. 2018. Vol. 9. No. 2. P. 163–172. <https://doi.org/10.1016/j.euras.2018.05.001>
16. *Gorbunova M. L., Komarov I. D.* Emerging Integration Projects in Eurasia: A Search for New Cooperation Formats? // *Journal of Chinese Economic and Business Studies*. 2017. Vol. 15. No. 3. P. 229–247. <https://doi.org/10.1080/14765284.2017.1346924>
17. *Hattori M.* The Role of the Eurasian Economic Union in Trade and Industrial Policy of Russia. *Russian and East European Studies*. 2016. No. 45. P. 135–155. <https://doi.org/10.5823/jarees.2016.135>
18. *Kirkham K.* The Formation of the Eurasian Economic Union: How Successful is the Russian Regional Hegemony? // *Journal of Eurasian Studies*. 2016. Vol. 7. No. 2. P. 111–128. <https://doi.org/10.1016/j.euras.2015.06.002>
19. *Knobel A., Lipin A., Turdyeva N.* [et al.] Deep Integration in the Eurasian Economic Union: What Are the Benefits of Successful Implementation or Wider Liberalisation? // *Eurasian Geography and Economics*. 2019. Vol. 60. No. 2. P. 177–210. <https://doi.org/10.1080/15387216.2019.1627232>
20. *Krapohl S.* Games Regional Actors Play: Dependency, Regionalism, and Integration Theory for the Global South // *Journal of International Relations and Development*. 2019. Vol. 23. No. 4. P. 840–870. <https://doi.org/10.1057/s41268-019-00178-4>
21. *Libman A.* Russian Power Politics and the Eurasian Economic Union: The Real and the Imagined // *Rising Powers Quarterly*. 2017. Vol. 2. No. 1. P. 81–103.
22. *Lissovlik Y., Vinokurov E.* Extending BRICS to BRICS+: The Potential for Development Finance, Connectivity and Financial Stability // *Area Development and Policy*. 2019. Vol. 4. No. 2. P. 117–133. <https://doi.org/10.1080/23792949.2018.1535246>
23. *Pieper M.* The linchpin of Eurasia: Kazakhstan and the Eurasian Economic Union between Russia’s Defensive Regionalism and China’s New Silk Roads // *International Politics*. 2020. No. 58. P. 462–482. <https://doi.org/10.1057/s41311-020-00244-6>
24. *Sergi B. S.* Putin’s and Russian-led Eurasian Economic Union: A Hybrid Half-Economics and Half-Political “Janus Bifrons” // *Journal of Eurasian Studies*. 2018. Vol. 9. No. 1. P. 52–60. <https://doi.org/10.1016/j.euras.2017.12.005>

Об авторах:

Мария Лавровна Горбунова, зав. кафедрой мировой экономики и таможенного дела Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского (Нижегород, Российская Федерация), доктор экономических наук, доцент;
e-mail: gorbunova@iee.unn.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2733-568X>

Игорь Дмитриевич Комаров, специалист по организационной работе 2-й категории Информационно-аналитического отдела Института международных отношений и мировой истории Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского (Нижегород, Российская Федерация), кандидат исторических наук;
e-mail: komarov@imomi.unn.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0348-0471>

Дмитрий Александрович Белашченко, доцент кафедры истории и теории международных отношений Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского (Нижегород, Российская Федерация), кандидат исторических наук; e-mail: belashchenko@imomi.unn.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0692-3418>

References

1. Belashchenko D. A., Tolkachev V. V., Shodzhonov I. F. Eurasian Economic Union: Prospects and Problems of Integration in the Post-Soviet Space. *Bulletin of the RUDN*. [Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov]. Series: International Relations. 2020; 20 (3): 543–559. (In Rus.) DOI: 10.22363/2313-0660-2020-20-3-543-559
2. Bordachev T. V., Vishnevskii K. O., Glazatova M. K. [et al.] Eurasian Economic Integration: Development Prospects and Strategic Objectives for Russia: Report by XX Apr. Int. Scientific. Conf. on the Problems of Economic and Social Development. Moscow, April 9–12. Dec 2019. Ed. by Meshkova T. A., Moscow : Publishing House of the Higher School of Economics. 2019. 123 p. (In Rus.)
3. Glazyev S. Yu. Spurt into the Future. Russia in New Technological and World Economic Structures. Moscow : Knizhnyi mir. 2019. 327 p. (In Rus.)
4. Gorbunova M. L., Livanova E. Yu., Komarov I. D. Prospects for the Formation of a Common Eurasian Integration Space. Eurasian Integration Project: Civilizational Identity and Global Positioning. Materials of the International Baikal Forum. Ed. by Meteleva E. R. Irkutsk. 2018. P. 30–40. (In Rus.)
5. Zevin L. Z. Megaregions in a Globalizing Economy. *World Economy and International Relations* [Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya]. 2016; 60 (8): 26–33. (In Rus.)
6. Lisovolik Ya. D. BRICS Plus: Alternative Globalization? *Valdai Notes* [Valdaiskie zapiski]. Iyul', 2017; (69): 3–11. (In Rus.)
7. Mazyrin V. M. Potential and Problems of Development of Relations between Vietnam and the Russian Federation (Review of the Materials of the Round Table at IFES RAS on August 30, 2018). *The Russian Journal of Vietnamese Studies* [V'etnamskie issledovaniya]. Series 2. 2018; (3): 83–90. (In Rus.) DOI: 10.24411/2618-9453-2018-00009
8. Fedorov N. V. The Free Trade Agreement between the EAEU and Vietnam as a Factor of Russian-Vietnamese Relations. *Comparative Politics Russia* [Sravnitel'naya politika]. 2018; 9 (1): 74–90. (In Rus.) DOI: <https://doi.org/10.24411/2221-3279-2018-00006>
9. Yun S. M. The Eurasian Economic Union — South Korea Free Trade Area Project. *Tomsk State University Journal of History* [Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya]. 2018; (56): 87–90. (In Rus.) DOI: 10.17223/19988613/56/10
10. Adarov A., Ghodsi M. The Impact of the Eurasian Economic Union — Iran Preferential Trade Agreement on Mutual Trade at Aggregate and Sectoral Levels. *Eurasian Economic Review*. 2021; (11): 125–157. doi.org/10.1007/s40822-020-00161-2
11. Bayramov V., Breban D., Mukhtarov E. Economic Effects Estimation for the Eurasian Economic Union: Application of Regional Linear Regression. *Communist and Post-Communist Studies*. 2019; 52 (3): 209–225. <https://doi.org/10.1016/j.postcomstud.2019.07.001>
12. Dragneva R. The Eurasian Economic Union: Putin's Geopolitical Project (FPRI Research paper). Foreign Policy Research Institute. 2018 [Electronic resource]. URL: <https://www.fpri.org/wp-content/uploads/2018/10/rpe-6-dragneva-final2.pdf> (accessed: 31.05.2021).
13. Dragneva R., Hartwell C. A. The Eurasian Economic Union: Integration without Liberalisation? *Post-Communist Economies*. 2020; 33 (1): 200–221. <https://doi.org/10.1080/14631377.2020.1793586>
14. Gast A.-S. The Eurasian Economic Union — Keeping up with the EU and China. *Post-Communist Economies*. 2020; 33 (2–3): 175–199. <https://doi.org/10.1080/14631377.2020.1827200>
15. Golam M., Monowar M. Eurasian Economic Union: Evolution, Challenges and Possible Future Directions. *Journal of Eurasian Studies*. 2018; 9 (2): 163–172. <https://doi.org/10.1016/j.euras.2018.05.001>

16. Gorbunova M. L., Komarov I. D. Emerging Integration Projects in Eurasia: A Search for New Cooperation Formats? *Journal of Chinese Economic and Business Studies*. 2017; 15 (3): 229–247. <https://doi.org/10.1080/14765284.2017.1346924>
17. Hattori M. The Role of the Eurasian Economic Union in Trade and Industrial Policy of Russia. *Russian and East European Studies*. 2016; (45): 135–155. <https://doi.org/10.5823/jarees.2016.135>
18. Kirkham K. The Formation of the Eurasian Economic Union: How Successful is the Russian Regional Hegemony? *Journal of Eurasian Studies*. 2016; 7 (2): 111–128. <https://doi.org/10.1016/j.euras.2015.06.002>
19. Knobel A., Lipin A., Turdyeva N. [et al.] Deep Integration in the Eurasian Economic Union: What Are the Benefits of Successful Implementation or Wider Liberalisation? *Eurasian Geography and Economics*. 2019; 60 (2): 177–210. <https://doi.org/10.1080/15387216.2019.1627232>
20. Krapohl S. Games Regional Actors Play: Dependency, Regionalism, and Integration Theory for the Global South. *Journal of International Relations and Development*. 2019; 23 (4): 840–870. <https://doi.org/10.1057/s41268-019-00178-4>
21. Libman A. Russian Power Politics and the Eurasian Economic Union: The Real and the Imagined. *Rising Powers Quarterly*. 2017; 2 (1): 81–103.
22. Lissovlik Ya., Vinokurov E. Extending BRICS to BRICS+: The Potential for Development Finance, Connectivity and Financial Stability. *Area Development and Policy*. 2019; 4 (2): 117–133. <https://doi.org/10.1080/23792949.2018.1535246>
23. Pieper M. The Linchpin of Eurasia: Kazakhstan and the Eurasian Economic Union between Russia's Defensive Regionalism and China's New Silk Roads. *International Politics*. 2020; (58): 462–482. <https://doi.org/10.1057/s41311-020-00244-6>
24. Sergi B. S. Putin's and Russian-led Eurasian Economic Union: A Hybrid Half-Economics and Half-Political "Janus Bifrons". *Journal of Eurasian Studies*. 2018; 9 (1): 52–60. <https://doi.org/10.1016/j.euras.2017.12.005>

About the authors:

Maria L. Gorbunova, Head of the Department of World Economy and Customs Affairs of the Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (Nizhny Novgorod, Russian Federation), Doctor of Science (Economy), Associate Professor;
e-mail: gorbunova@iee.unn.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2733-568X>

Igor D. Komarov, Specialist in Organizational Work of the 2nd category of the Information and Analytical Department, Institute of International Relations and World History of the Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (Nizhny Novgorod, Russian Federation), PhD in History;
e-mail: komarov@imomi.unn.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0348-0471>

Dmitry A. Belashchenko, Associate Professor of the Department of History and Theory of International Relations of the of the Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (Nizhny Novgorod, Russian Federation), PhD in History;
e-mail: belashchenko@imomi.unn.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0692-3418>